

вместе с А. Шегреном в 1846 г. к ливам (первая экспедиция РГО). Рисунки показывают быт ливов и имеют значительный этнографический интерес. Впервые воспроизведены также зарисовки путешествия П. П. Семенова в 1857 г. в Среднюю Азию.

Очень оживляют книгу отдельные штрихи и факты мемуарного порядка — о И. В. Мушкетове, А. И. Воейкове и др. Автором уделено значительное место биографическому элементу, и замечательные русские путешественники — Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцов, П. А. Крапоткин, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов и др. ярко выступают со страниц книги. Последовательный шаг за шагом раскрывает автор деятельность Русского географического общества, не загромождая книгу излишними деталями, но достаточно подробно рассказывая о крупнейших путешествиях, экспедициях и других научных предприятиях Общества.

Книга Л. С. Берга подводит итоги столетней работе Географического общества — итоги работы одного из старейших научных обществ мира, итоги величественные и грандиозные, рисующие, какой крупнейший вклад внесла в мировую науку русская географическая наука. «Во второе столетие своего существования, — пишет автор, — Географическое общество вступает в радостный и торжественный момент, — когда потерпели полное крушение державы с омерзительной идеологией фашизма и агрессии». Перед Географическим обществом стоят новые крупнейшие задачи. Возникли новые географические ячейки, вошедшие в состав Общества (Челябинский, Туркменский, Северный, Ойротский, Саратовский, Камчатский и другие отделы). Книга Л. С. Берга, рисуя славные подвиги русской науки в прошлом, зовет к новым еще более значительным достижениям и завоеваниям.

Н. Степанов

НАРОДЫ СССР

С. И. Макалатия, *Хевсурети*, Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров, Тбилиси, 1940, 224.

С. И. Макалатия — известный грузинский этнограф, выпустивший на грузинском языке ряд монографических работ, посвященных главным образом отдельным народностям группы горных грузин — тушинам, пшавам, хевсурам, мтиулам и др. Читателю «Советской этнографии» автор известен своей содержательной работой «Из старого народного быта пшавов», напечатанной в № 4, 1937 г. Рецензируемая монография основана на материале, собранном автором в 1933 г., в бытность его в Хевсуретии в качестве руководителя экспедиции Грузинского Географического общества. Результатом этих сборов явилось описание Хевсуретии, изданное автором на грузинском языке в 1935 г. В 1937 г. автор возобновил свою работу по этнографии хевсуров, собрав новый материал, и настоящая книга является дополненным русским изданием этого труда. Книга состоит из следующих глав: Географическое положение, Исторический очерк, Экономика, Общественный строй в прошлом. Материальная культура, Народные обычаи, Суеверия, культовые места и ритуальные обряды. Дана исчерпывающая библиография. Книга снабжена иллюстрациями в тексте и красочными — на вкладках, впрочем, невысокого качества. Вообще, полиграфическая сторона данной публикации оставляет желать лучшего.

Замечательная культура хевсуров привлекла к ним особое внимание, и существующая специальная литература по этому народу может считаться — в масштабах этнографии Кавказа — сравнительно богатой. Работа С. И. Макалатия дает, однако, новое, очень обстоятельное, очень четкое изображение различных сторон хевсурской культуры, причем ряд элементов, оставшихся в прежних описаниях охарактеризованными недостаточно или неправильно, впервые представлены здесь точно и отчетливо. Автор правда, не погружается в анализ и истолкование описываемых явлений и форм, давая лишь их бесхитростное описание, но и это составляет в этнографии немалую ценность. В общем, новый труд С. И. Макалатия — большой и весьма полезный вклад в этнографию народов Кавказа, который с несомненной пользой будет прочтен и всяким этнографом. Весьма желательно было бы видеть и другие работы автора в русском издании.

М. Горский

С. М. Абрамзон, *Очерк культуры киргизского народа (Кыргыз элинин маданиятынын очерки)*, Киргизский филиал Академии Наук СССР, Институт языка, литературы и истории, Фрунзе, 1946, 122.

Приятным событием в издательской деятельности Киргизского филиала Академии Наук СССР является издание рецензируемой книги С. М. Абрамзона. Как указывает автор, очерк этот возник в результате его продолжительной работы над описанием киргизов для предпринятого Институтом этнографии Академии Наук СССР капитального издания — «Народы мира». Автор известен своими работами в области этнографии

киргизов и, в известной мере, книга подытоживает его многолетние исследования. Однако принятая автором структура книги, идущая от схемы глав «Народы мира», несколько сковывала автора, придавшего своей книге скорее итоговый, описательный, чем исследовательский характер.

Книга, помимо предисловия, состоит из пяти глав с приложением списка использованной литературы. Главы эти следующие: I. Общие сведения; II. Краткие исторические данные; III. Культура киргизов перед Великой Октябрьской социалистической революцией; IV. Пути развития киргизской культуры после Великой Октябрьской социалистической революции; V. Киргизия и ее культура в годы Великой отечественной войны. Как указывает автор, главы I и II «не имеют самостоятельного значения и введены лишь в качестве вспомогательного материала». Однако в этих небольших главах дан содержательный обзор общих сведений и исторических данных. В качестве мелкого замечания отметим, что в тюркологии более употребителен термин «кыпчакский язык», чем «половецкий». Желательно было бы сопоставление численности киргизов в послеоктябрьский период с дооктябрьским (по Аристову, Зарубину), ибо это сопоставление наглядно показывает рост киргизского населения после Октябрьской революции, что еще больше подчеркнуло бы значение цифр переписей 1926 и 1939 гг. В историческом обзоре автор дает общую картину истории киргизов, воздерживаясь, однако, от социально-экономической периодизации и оценки отдельных периодов этой истории. Автор справедливо пишет, что «Киргизское государство возникло при наличии еще весьма сильных пережитков родового строя и племенных связей. Это была пора наивысшего расцвета политического могущества киргизов», однако какое это было государство: рабовладельческое или раннефеодальное, автор не указывает. В вопросе о заселении Тяньшаня киргизами автор придерживается теории раннего заселения, излагая новые мнения по этому вопросу, и осторожно присоединяется к ним. Здесь следует только отметить, что точка зрения Аристова вряд ли сойдется с современными высказываниями, ибо Аристов считал киргизов исконными и обитателями Тяньшаня, в то время как новейшие исследования акцентируют раннее заселение киргизами Тяньшаня. Правильно подчеркнуты автором алтайские и монгольские этнические компоненты в этногенезе киргизов. Анализируя кокандский период в истории киргизов, автор, к сожалению, не отразил своеобразную группу киргизов-кыпчаков, ныне существующих (например, в Джалалабадской области) и выделяющих себя от всех иных этнических групп, увязывая, однако, свое происхождение с киргизами. В целом исторический очерк весьма содержателен и находится вполне на уровне современных выводов по истории киргизского народа. Основное содержание труда заключается в главах III и IV. Выступая здесь как лучший знаток этнографии киргизов, автор дал весьма цельную и ясную картину культуры киргизов. Систематически, параграф за параграфом, автор характеризует все стороны культуры киргизского народа, начиная с древнейшего для киргизов вида хозяйства — скотоводства. Язык изложения точный, краткий, этнографические реалии документируются специальными терминами, данными в тексте курсивом. С большим интересом читаются страницы, посвященные социальному строю и духовной культуре. К сожалению (но таково состояние науки), очень слабо освещены южные киргизы и вообще в очерке слабо дифференцируется этнография южных и северных киргизов. Полутно отметим, что это вопрос большой научной и политической важности. Процесс консолидации киргизской национальности ставит перед киргизоведами как насущную и неотложную задачу изучение южных киргизов, до сих пор резко отличающих себя от северных. Характерно, что южные киргизы, а среди них род Ичкилик, часто северных киргизов называют «казахами», «аркалыками», считая себя коренными киргизами. Существенные отличия наблюдаются и в материальной и в духовной культуре. Есть основание полагать, что часть этих отличий восходит к далеким временам, часть порождена иным этническим окружением южных киргизов (таджики, узбеки) и историческими событиями XVIII—XIX вв. Не случайно и китайцы еще в своих сочинениях XVIII в. отличают «западных и восточных бурутов», т. е. тяньшаньских и алайских киргизов. Есть основание полагать, что южные киргизы появились в местах, где они сейчас расселены, до 1635 г., с которым связывают исследователи их западное расселение. Хотелось бы видеть и характеристику синьзянской группы киргизов, тоже обнаруживающей своеобразные черты, создавшиеся, видимо, с весьма отдаленных времен. Судя по тибетским (и китайским) источникам, появление киргизов в Синьзяне относится, вероятно, к VIII, а быть может, и к VII в. Будучи тесно связан с Киргизской ССР и ее общественной жизнью не только как наблюдатель, автор естественно располагал большими возможностями для написания глав IV и V «Пути развития киргизской культуры после Великой Октябрьской социалистической революции» и «Киргизия и ее культура в годы Великой отечественной войны». Приятно видеть, что послеоктябрьскому периоду уделено пропорционально большое и почетное место. Раздел заканчивается характеристикой двадцатилетнего юбилея республики. Здесь освещено в кратких, но выразительных описаниях все многообразие культуры киргизов этого времени. В одном мы склонны упрекнуть автора: мало уделено внимания характеристике трудностей и борьбы на путях этого строительства. Особенно важно было показать тормозы этого строительства, коренившиеся в националистической идеологии.

Издан «Очерк культуры киргизского народа» аккуратно, однако не без опечаток. Досадно отсутствие иллюстраций и карты.

В целом автором сделана полезная работа. Было бы желательно видеть эту работу (с исправлением указанных недочетов) в переводе на киргизский язык. Такая сводка — первая для народов Средней Азии. К сожалению, мы до сих пор не имеем сводок подобного типа для узбеков, казахов, туркмен, таджиков. А такие сводки нужны не только для читателя и для целей самообразования; они могли бы иметь значение и вузовского пособия для курсов по этнографии. Такими достоинствами обладает рецензируемый труд. С другой стороны, труд этот свидетельствует о необходимости создания подлинно этнографических монографий по отдельным народам, где, наряду с монографическим описанием, соответствующее место заняли бы этногенетические вопросы.

А. Бернштам

«Манас», киргизский эпос, «Великий поход». Гослитиздат, 1946.

Киргизская эпическая трилогия «Манас» принадлежит к числу наиболее крупных произведений мирового устного народного творчества. По своим высоким художественным качествам, эпической широте разветвляющихся событий, богатой гамме изобразительных средств при описании героев и их поступков, наконец, по своему огромному объему (исполнение полной версии «Манаса» талантливым сказителем — манасчи может занять несколько месяцев) киргизский героический эпос может быть поставлен в один ряд с такими жемчужинами мировой эпической литературы, как «Илиада», «Одиссея», «Калевала» и др. С тем большим сожалением приходится отметить, что русскому читателю эпос «Манас» до последнего времени был известен только по случайным переводам отдельных отрывков, печатавшимся в газетах и журналах. Лишь накануне Великой отечественной войны был издан в виде небольшой книги поэтический перевод нескольких эпизодов эпоса («Манас», киргизский народный эпос, М., 1941), извлеченных из подготавливавшегося к печати самого значительного цикла трилогии — песен о «Великом походе». В 1943 г. в г. Фрунзе вышла из печати работа ныне покойного литературоведа и фольклориста К. Рахматуллина «Великий патриот, легендарный Манас», содержащая краткое изложение основных эпизодов эпоса «Манас», но эта работа не получила широкого распространения.

Выход в свет рецензируемой новой книги — событие большого политического и культурного значения. Не говоря о том, что киргизский эпос в одном из своих наиболее выдающихся звеньев становится достоянием широкого русского читателя, эта новая публикация великолепного памятника киргизского устного словесности будет в немалой степени способствовать дальнейшему расширению и укреплению братских культурных связей киргизского народа с другими народами СССР и прежде всего с великим русским народом¹.

Книга «Манас» открывается содержательной вступительной статьей У. Джакнишева и Е. Мозолькова. Мы находим здесь общую оценку памятника, историю его записи и изучения и характеристику той ведущей роли, какую занимает героический эпос в поэтической сокровищнице киргизского народа. Дав сжатую характеристику формальной стороны памятника и рассмотрев типичные для киргизского эпоса приемы стихосложения, авторы излагают общую канву трилогии, раскрывая ее основную патристическую идею — объединения киргизских племен для борьбы с иноземными захватчиками. Авторы правильно поняли идейное и общественное значение эпоса «Манас», как гениального памятника национального самоутверждения киргизского народа. Однако, критикуя с этой точки зрения высказывание первого ученого, которому принадлежит честь открытия «Манаса», Чокана Валиханова за излишний «этнографизм» при оценке эпоса, Джакнишев и Мозольков впадают в другую крайность и, по нашему мнению, в совершенно недостаточной степени учитывают огромную познавательную ценность киргизского эпоса как культурно-исторического памятника, как источника для изучения и раскрытия путей формирования киргизской культуры. Разумеется, это наше замечание не колеблет основных положений авторов статьи и не снижает данной ими справедливой и высокой оценки качества эпоса «Манас» как художественного произведения.

Эпический цикл «Великий поход» — наиболее крупная по своим размерам, центральная по замыслу часть трилогии. Рецензируемая книга содержит первую часть этого цикла, о чем мы узнаем, правда, только из упомянутой вступительной статьи — титульный лист об этом умалчивает. Первая часть цикла «Великий поход» включает семь песен. Песнь «Заговор ханов» служит как бы прелюдией к основному повествованию. В ней завязывается тот узел полных драматизма событий, которые разветвляются в последующих песнях, дается мотивировка предпринимаемой киргизским богатырем

¹ Уже в процессе печатания настоящей рецензии я имел возможность ознакомиться с рецензией Л. Климовича («Советская книга», 1946, № 12) на книгу «Манас». Не имея по техническим причинам возможности высказаться по существу этой спорной рецензии в настоящем номере «Советской этнографии», я предполагаю в следующем номере вернуться к этому вопросу. Автор.